

МАМА И ПАПА ДАЛИ МНЕ ИМЯ ААРОН, но папа говаривал, что следовало назвать меня «Что ты натворил», а дядя всем твердил, что меня нужно было назвать «О чем ты вообще думал». Я бил пузырьки с лекарствами, раскалывая их один о другой, и выпускал из клеток соседских домашних питомцев. Мама повторяла, что папа не должен бить маленького ребенка, но отец отвечал, что одного злоключения мне будет мало, а дядя уверял ее, что мое безумное поведение было преступлением по отношению к остальным членам семьи.

Когда я жаловался, мама напоминала, что я сам виновник своих бед и что в нашей семье на боль в зубе принято отвечать шлепком по другой щеке. Мой старший брат постоянно повторял, что у нас никогда не было ни колыбели под спиной, ни подушки под голову. Почему бы тебе не жаловаться побольше, язвительно предлагала мама. Из твоих жалоб можно было бы развести огонь в печи.

Дядя был родным братом матери. Именно он стал называть меня Шимайя, потому что я делал кучу вещей, при виде которых дядя прикладывал палец к кончику носа и произносил: «Бог все слышит». Мы жили в Паневежисе неподалеку от литовской границы в одном доме с другой семьей. Занимали переднюю комнату, в которой было окно с четверным застеклением и большая печь с жестяным

листом сверху. Папа постоянно исчезал в поисках денег. Какое-то время он торговал звериными шкурами. Мама хотела бы, чтобы он занялся чем-нибудь другим, но он неизменно отвечал, что у Папы Римского и крестьянина разные задачи. Она мыла пол у чужих людей, и, когда уходила на день, соседи творили, что им вздумается. Они воровали нашу еду и вышвыривали наши вещи на улицу. Когда мама, усталая, возвращалась, ей приходилось с ними ругаться из-за того, как они с нами обращались, а я в это время обычно прятался за кучей мусора во дворе. Когда возвращались старшие братья, они тоже вступали в перепалку. Где Шимайя, спрашивали они, когда все заканчивалось. А я продолжал сидеть за кучей мусора. При сильном ветре мелкий сор попадал мне в глаза.

Шимайя может заботиться только о себе, постоянно повторял дядя, но я-то сам ничего такого не хотел. Я сам себя отчитывал во время прогулок. Я составлял списки из вещей, над которыми нужно было бы поработать. Годы шли как один мучительный день.

Мать пыталась обучить меня грамоте, но без толку. Она брала большой лист бумаги, который вешала на доску, и указывала сначала на птицу или маленького человечка, или кошелек, а затем на букву, с которой начиналось слово. Целый день уходил на то, чтобы заставить меня нарисовать полукруг и прямую черту буквы алеф. Но я оставался настоящим дикарем. Я не знал названий предметов. Когда учителя обращались ко мне, я тарачился в ответ. Алеф, бет, гимел, далет, хе, вав, заин. До нашего отъезда моя последняя отметка в хейдере¹ за поведение была «неудовлетворительно», за религию — «неудовлетвори-

¹ Хейдер — школа. (Здесь и далее примеч. пер.)

тельно», за арифметику — «неудовлетворительно», и даже за класс работы по дереву и металлу стояло «неудовлетворительно». Отец говорил, что он в жизни не видел более печального результата, и предлагал нам всем собраться и поразмыслить, каким образом мне удалось такого достигнуть. Мама утверждала, что мои успехи в некоторых областях, кажется, улучшались, но отец отвечал, что даже если бы Бог дал мне вторую и третью жизни, до меня бы все равно ничего не дошло. Он говорил, что человек с сильным характером мог исправить свой путь и начать заново, но трусу или слабаку такое не под силу. Я постоянно мучился вопросом, приходится ли остальным так же трудно в учебе, как и мне. Я вечно волновался при мысли, что со мной будет, если я так ничего и не научусь делать. Быть в моей шкуре представлялось настоящим кошмаром.

В дождливые дни я строил дамбы на улице и менял направление стекающей воды. Я искал доски и палками спихивал их в лужи. Маме приходилось уносить меня из-под дождя, она говорила, что находила меня, витающего в облаках в мечтах о рыбе и блинчиках. Укладывая меня в постель рядом с печью, она приговаривала, что уж я, конечно, ни за что не пропущу никакую болячку, будь то ветрянка, корь, скарлатина или коклюш, и именно поэтому мне предстоит провести всю жизнь мертвым на девяносто девять процентов.

По ночам я лежал и ждал, когда наступит сон, как соседский пес ждал проходящих вагонов. Мама слышала, что я еще не сплю, и подходила к моей постели, несмотря на собственную усталость. Чтобы помочь мне заснуть, она говорила, что если я сильно-сильно зажмурюсь, то увижу, как перед глазами начнут летать огни и планеты, правда,

я ни за что не успею их все сосчитать прежде, чем они исчезнут. Она добавляла, что, по словам ее бабушки, это Бог своим маленьким пальчиком двигает всеми огнями и планетами. Я извинялся перед ней за то, как себя вел, а она отвечала, что не волнуется по поводу школы и что ее заботит только то, как я поступаю с нашей семьей и соседями. Она говорила, что часто вместо головы у меня работает язык, а иногда голова работает вместо сердца.

ПРИ ЭТОМ, КОГДА НА СВЕТ ПОЯВИЛСЯ МОЙ МЛАДШИЙ БРАТ, я сказал маме, что был бы не прочь, если бы его бросили в курятник. Весь тот год, когда мне исполнилось четыре, я ходил мрачный как туча из-за заражения, которое пошло от прививки на руке. Мама говорила, что я играл в одиночестве, даже если рядом были другие дети. Два года прошло, а я так ничему и не научился. Я не умел ни плавать, ни ездить на велосипеде. У меня не было ни дедушек, ни тетушек, ни крестных родителей. Когда я спрашивал, как так получилось, папа отвечал, что причиной всему то, что паразиты всегда получают подачки от общества, в то время как достойным людям достаются помои, а мама отвечала, что все из-за болезни. Я посещал хейдер до тех пор, пока отец не вернулся из одной из своих поездок и не сказал маме, что на дворе 1936 год и пора бы мне получить современное образование. Я был счастлив такой перемене, потому что у нашего учителя в бороде вечно застревали кусочки еды, а еще он бил нас палкой по пальцам за неправильные ответы, и у него дома воняло, как в конуре. И я пошел в общеобразовательную школу, и она оказалась намного чище во всех отношениях. Папу впечатлял тот факт, что мой новый учитель одевался по-европейски и что когда он научил

меня читать, я и сам начал учиться. Из-за того, что мне было скучно и я никого не знал, я стал читать книги.

Там же в общеобразовательной школе я встретил своего первого друга, его звали Юдель. Он мне понравился. Как и мне, ему в будущем ничего не светило. Он вечно где-то носился с сопливым носом. Мы сооружали плоты и пускали их по реке, а еще упражнялись в плевках на дальние дистанции. Он тоже называл меня Шимайей, а я звал его Пишером. Когда он шалил, ему хватало ума не попадаться и не доводить это до сведения учителя. Однажды утром перед уроками мы так отчаянно заигрались в чижика, что разбили несколько окон в классной комнате. Мы пугали мальчиков, которые ходили с аккуратными портфелями и никогда не снимали обуви. Из-за него мне постоянно влетало дома, а однажды меня вообще выпороли в Шаббат за то, что я переломал надвое семейные ножницы, пытаясь сделать два меча — для меня и для друга. Прежде чем его мать умерла от болезни зубов, она учила его только грустными песнями, например о сибирском царе. Когда она умерла, он пришел и искал меня, но я от него спрятался. На следующий день он рассказал мне, как двое стариков вынесли ее из дома на деревянной доске, а потом отец его увел.

В ТО ЛЕТО МОЕМУ ОТЦУ ПРИШЛА ОТКРЫТКА от двоюродного брата из Варшавы, который писал, что для отца нашлась работа на фабрике, где трудился он сам. На фабрике производилась ткань из хлопковой нити. Отец доехал до города попуткой на грузовике, полном гусей, а позже послал за нами. Мы переехали в дом 21 по улице Заменгофа и поселились в квартире под номером 6 — мама заставила каждого из нас вызубрить адрес, чтобы

мы всегда могли найти дорогу, если заблудимся, — а младший брат, у которого были больные легкие, дни напролет торчал у заднего окна и тарачился на мусорные баки. Нам обоим казалось, что лучшим во всем этом переезде стал магазин портного на другой стороне площади. Портной шил форму для армии, и в витрине его магазина в три ряда стояли манекены размером с ладонь, и на каждом была миниатюрная военная форма. Нам особенно нравились кукольные ленты и медали за заслуги.

Пришло лето, и меня отправили работать на фабрику, которая была так далеко от дома, что до нее нужно было добираться на трамвае. Меня заперли в маленькой комнате без окон с четырьмя старшими мальчиками и заставляли обрабатывать ткань. Рулоны материи нужно было скрести до тех пор, пока на них не образовывался начес, как бывает на зимних носках. Каждый рулон приходилось обрабатывать часами, и мне с моим ростом приходилось налегать на нож всем телом, чтобы прилагать нужную силу. В жаркие дни пот бежал с меня, как капли дождя с крыши. Другие мальчики говорили: «Какой серьезный молодой человек приехал к нам из глубинки; ему на роду написано стать важной шишкой в городе». А я думал, неужели меня тут держат только для насмешек? И отказался к ним возвращаться.

Отец грозился устроить мне такую выволочку, что бровями будет больно пошевелить, но пока я прятался от него, как мышь от кошки, вступилась мать и сказала, что мне и дома найдется достаточно работы, к тому же через несколько недель начинались занятия в школе. Отец сказал, что это — временная мера, а мать ответила, что пока и так сойдет, и когда в ту ночь они пошли спать и сохра-

пели, я залез к ним в кровать, поцеловал маму и стянул у отца одеяло с ног в надежде, что он простудится.

Из-за того, что меня мучила бессонница, я помогал маме по дому с утра, и она всем хвастала, как ей повезло, что у нее есть сын, который не прочь так рано вставать. Я много работал и составлял ей компанию. Я выносил ведра с помоями и ходил за горячими компрессами, которые нужно было прикладывать к груди брата. Она спрашивала, лучше ли заниматься такой работой, чем бить бутылки и хулиганить, и я соглашался, что лучше. Я все еще оставался таким мелким, что мог ездить на корточках на ручке щетки, которой она полировала полы.

Она говорила отцу, что, по крайней мере, теперь их дети ведут себя лучше, но отец отвечал, что ему они не кажутся ни накормленными, ни послушными. За ужином он шутил, что она готовит как прачка. «Ну и отправляйся в ресторан», — язвительно отвечала она ему. Позже она мне рассказала, что, будучи маленькой девочкой, никогда не жаловалась, поэтому была любимым ребенком своей матери и та всегда держала ее при себе. И так я становился самым собой только в минуты, когда выключали свет, а по утрам снова притворялся, что все хорошо.

В НАШЕЙ НОВОЙ ШКОЛЕ МЫ СИДЕЛИ не за общим замызганным столом, а на настоящих школьных скамьях. Мне хотелось больше книг, но на них не было денег, а когда я пытался просить книги у школьных товарищей, они отвечали отказом. Я не реагировал на издевательства, стараясь дотерпеть до звонка на урок. Когда мама пожаловалась учителю на то, что одноклассники обзывают меня грязным жидом, учитель ответил: «А разве они говорят неправду?», и с тех пор она заставляла меня мыться

раз в неделю. Я оставался в этой школе до тех пор, пока учитель не открутил одной девочке ухо, и тогда мама снова перевела меня в хейдер в двух трамвайных останках от дома, где, помимо прочего, учили польский язык. Но я был запуган и все равно боялся строгих указаний, как собака палки. Мой новый учитель спросил маму, что можно сделать с ребенком, в котором столько ответов. Он как лиса, этот мальчишка, сказал он; в восемь он похож на восьмидесятилетнего. Когда она рассказала о встрече отцу, тот пригрозил очередной трепкой, и пришлось снова уносить ноги. В ту ночь мама села у моей кровати и попросила объясниться, и сначала я был не в состоянии ей ответить, но потом наконец сказал, что понял: большинство людей меня не понимают, а те, кто понимают, ничем не могут помочь.

Двое старших братьев нашли работу за городом — отгонять коз на бойню — и возвращались уже по темноте, и, подобно отцу, считали, что мать должна сидеть дома, поэтому она тайком раскрыла мне свой план по расширению своего прачечного дела. Она сказала, что это, конечно, не золотая жила, но может стать серьезным подспорьем, особенно в канун Песаха и Рош Ха-шаны¹. Женщина призналась, что потратила немного припрятанных денег на мыло, хлорку и бочки для стирки и что всякий раз, когда отец проходил мимо заначки, у нее по позвоночнику пробегал холодок и волосы вставали дыбом. Я спросил, почему бы ей и не использовать эти деньги, и она так обрадовалась, что пообещала взять меня в дело, когда мне исполнится девять. Это меня очень порадовало,

¹ Еврейский Новый год, который празднуют два дня подряд в новолуние. Обычно приходится на сентябрь или октябрь.